

**Лица разговаривающие:**  
**Сократ, Феодор, Иностранец и Сократ-младший**

**Сократ.** Я очень благодарен тебе, Феодор, что ты познакомил меня с Теэтетом и иностранцем.

**Феодор.** А может быть, скоро будешь обязан мне и втрое большею благодарностью, когда они отделают тебе политика и философа.

**Сократ.** Пускай. Но скажем ли, любезный Феодор, что так мы слышали это от тебя, человека весьма сильного в счислении и геометрии?

**Феодор.** Что такое, Сократ?

**Сократ.** Ты приписал каждому из этих мужей равную цену: а они по достоинству отличаются друг от друга более, нежели сколько выходит по пропорции вашего искусства.

**Феодор.** Ну, хорошо, Сократ, — клянусь нашим богом Аммоном! Ты и справедливо, и очень злопамятно обличил меня в ошибке против исчисления. Но когда-нибудь я отомщу тебе. А ты, иностранец, отнюдь не поскучай доставить нам удовольствие, но избери первым, по порядку, или политика, или философа, и, избравши, исследуй.

**Иностранец.** Да, Феодор, это нужно сделать; потому что мы уж решились один раз не оставлять предмета, пока не рассмотрим его до конца. Но что же делать мне с этим Теэтетом?

Ф е о д о р. Как что?

И н о с т р а н е ц. Дать ли ему отдохнуть, и взять этого Сократа, его товарища? Или как ты советуешь?

Ф е о д о р. Возьми другого, как сказал. Они, люди молодые, ведь легче перенесут всякий труд, пользуясь отдыхом.

С о к р а т. И в самом деле, иностранец; они оба должны быть в каком-то родстве со мною. Один, по вашим словам, будто походит на меня чертами лица, а другой соименен мне, и эта соименность, по-видимому, сближает нас. А своих родственников мы должны стараться узнать поближе, посредством разговора. Посему с Теэтетом я сам вмешивался вчера в разговор, а сегодня слушал его ответы; с Сократом же — ни того, ни другого. Между тем надобно испытать и его. Впрочем мне будет он отвечать после, а теперь пусть отвечает тебе.

И н о с т р а н е ц. Так и будет. Сократ! слышишь ли Сократа?

С о к р а т - м л а д ш и й. Да.

И н о с т р а н е ц. А согласен ли на то, что он говорит?

С о к р а т - м л а д ш и й. И очень.

И н о с т р а н е ц. Но если не представляется препятствий с твоей стороны, то с моей должно быть их, вероятно, еще менее. Так вот, после софиста, мне кажется, необходимо рассматривать политика. Скажи же, надобно ли и его отнести к числу людей знающих, или как?

С о к р а т - м л а д ш и й. Надобно.

И н о с т р а н е ц. Следовательно, знания мы должны разделить, подобно тому, как поступили при рассматривании первого?

С о к р а т - м л а д ш и й. Нужно бы.

И н о с т р а н е ц. Однако раздел здесь представляется мне, Сократ, уже не в том роде.

С о к р а т - м л а д ш и й. В каком же?

Иностранец. В ином.

Сократ-младший. Может быть.

Иностранец. Но как же напасть на стезю политическую? А ведь надобно найти ее и, отличивши от других, запечатлеть одной идеей, равно как и другие ветви означить одним же особым родом, и таким образом расположить свою душу к представлению всех знаний под двумя видами.

Сократ-младший. Это уже, думаю, твое дело, иностранец, а не мое.

Иностранец. Нет, Сократ; оно должно быть и твоим, если нужно нам ясное о нём понятие.

Сократ-младший. Ты хорошо говоришь.

Иностранец. Не правда ли, что арифметика и другие сродные с нею искусства чужды дел, но составляют одно знание?

Сократ-младший. Так.

Иностранец. Напротив, искусства, относящиеся к постройке и вообще ко всякому рукоделью, обладают знанием, как бы заключенным, по природе, в самых делах, и так производят зависящие от них вещи, которых прежде не было.

Сократ-младший. Не что́.

Иностранец. Так вот каким образом раздели все знания: одно назови *практическим* (πρακτικῆ), а другое — только *гностическим* (γνοστικῆ).

Сократ-младший. Пожалуй, пусть будут эти два вида одного знания вообще.

Иностранец. Но и политика, и царя, и господина, и даже домоправителя, — всё это назовем ли как одно, или насчитаем столько самых искусств, сколько сказали имен? А лучше, пойдем так.

Сократ-младший. Как?

Иностранец. Вот как. Если бы какой-нибудь частный врач был в состоянии подавать советы врачу

общественному; то не необходимо ли было бы назвать и его тем самым именем искусства, какое носит другой, принимающий его советы?

Сократ - младший. Да.

Иностранец. Что ж? А когда кто, будучи частным человеком, имеет способность увещевать царя страны, то не скажем ли, что он обладает тем знанием, которым надлежало бы обладать правителю?

Сократ - младший. Скажем.

Иностранец. Но ведь это царское искусство истинного царя?

Сократ - младший. Да.

Иностранец. И кто приобрел его, — правитель это, или простой гражданин, — тот, по сему самому искусству, без сомнения, справедливо будет назван мужем царственным?

Сократ - младший. Справедливо.

Иностранец. Конечно, то же должно сказать о домоправителе и господине?

Сократ - младший. Не иное.

Иностранец. Но что? Устройство большего дома и порядок небольшого города представляют ли какое-нибудь различие, в отношении управления?

Сократ - младший. Никакого.

Иностранец. Следовательно, настоящий предмет исследования ясен: знание, то есть, в отношении ко всему этому — одно. Царским ли угодно кому называть его, или политическим, или домоправительным, — спорить нисколько не будем.

Сократ - младший. Зачем же!

Иностранец. Впрочем ясно и то, что каждый царь, для удержания власти, найдет весьма мало силы в своих руках и во всём теле, в сравнении с разумением и крепостью своей души.

Сократ - младший. Очевидно.

Иностранец. Итак, хочешь ли, скажем, что царю гораздо более свойственно искусство познавательное, нежели рукодельное и вообще производительное?

Сократ-младший. Как же.

Иностранец. А политическое искусство и политика, царское искусство и царственного мужа — всё это соединим ли в одно?

Сократ-младший. Очевидно.

Иностранец. Теперь не пойти ли нам далее, и не разделить ли искусства познавательного?

Сократ-младший. Конечно.

Иностранец. Смотри же внимательнее, не заметишь ли в нём какого-нибудь отростка?

Сократ-младший. Говори, какого.

Иностранец. Да вот, например: у нас, кажется, было искусство счисления.

Сократ-младший. Да.

Иностранец. И оно ведь, думаю, относится вполне к искусствам познавательным.

Сократ-младший. Как же не относится.

Иностранец. Но искусству счисления, познающему различие чисел, припишем ли какое-нибудь другое дело, кроме того, что оно судит о познанном?

Сократ-младший. Какое же более?

Иностранец. Да ведь и каждый архитектор сам не работает, а только управляет рабочими.

Сократ-младший. Да.

Иностранец. То есть, он привносит знание, а не рукоделье.

Сократ-младший. Так.

Иностранец. Следовательно, ему по справедливости можно приписать участие в искусстве познавательном.

Сократ-младший. Конечно.

Иностранец. Только, произнеся суждение, он не должен, думаю, этим кончить и отстать, как делает счетчик; напротив, обязан еще раздавать приказания каждому рабочему, кому какие нужны, пока они не будут исполнены.

Сократ-младший. Правда.

Иностранец. Итак, хотя все такие искусства суть познавательные, как и те, которые относятся к числительному; однако ж оба эти рода не различаются ли один от другого *суждением* и *распорядительностью*?

Сократ-младший. Кажется.

Иностранец. Но если во всяком искусстве познавательном мы согласимся различать сторону распорядительную и сторону судительную, то не можем ли сказать, что наше деление сообразно с предметом?

Сократ-младший. По крайней мере, я так думаю.

Иностранец. А когда люди делают что-нибудь сообща, то им ведь приятно быть в согласии.

Сократ-младший. Как не приятно!

Иностранец. Вот и мы доныне сходились; оставим же в покое мнения других.

Сократ-младший. Пожалуй.

Иностранец. Хорошо; но которое из этих искусств надобно приписать мужу царственному: судительное ли, как бы какому созерцателю, или лучше — распорядительное, как властелину?

Сократ-младший. Последнее, конечно, лучше.

Иностранец. Но посмотрим: искусство распорядительное опять не делится ли каким-нибудь образом? Мне представляется, что как искусство перекупщиков отличается от искусства оптовых продавцов, так и род царский отличен от рода глашатаев.

Сократ-младший. Как это?

Иностранец. Перекупщики ведь те, которые, взяв чужие, прежде проданные им товары, продают их в другой раз.

Сократ-младший. Без сомнения.

Иностранец. Но и звание глашатаев, приняв распоряжения чужого ума, передает их опять другим.

Сократ-младший. Весьма справедливо.

Иностранец. Так что ж? Искусство царское смешаем ли в одно с искусством истолковывать, приказывать, прорицать, обнародовать, и со многими другими, им сродными, которые все имеют предметом распорядительность? Или, хочешь, мы тому, что теперь сравнивали, подберем и имя, — тем более, что род самораспорядителей почти безыменен, — и таким образом установим деление, то есть, род царей отнесем к искусству *самораспорядительному*, а все прочие оставим без внимания, — пусть, кому угодно, придумают для них другое имя? Ведь наше исследование имеет в виду правителя, а не то, что противоположно ему.

Сократ-младший. Без сомнения.

Иностранец. Но когда тот род надлежащим образом отличен от этих, когда свойственное ему отделено от чуждого; то не необходимо ли опять разделить его, если увидим, что он дает место какому-нибудь новому делению?

Сократ-младший. Конечно.

Иностранец. И кажется, уже видим. Следуй же за мною и помогай делить.

Сократ-младший. Как?

Иностранец. Представляя себе всех правителей, занятых распоряжениями, не заметим ли мы, что они распоряжаются для произведения чего-нибудь?

Сократ-младший. Как не для чего-нибудь!

Иностранец. А всё производимое вовсе не трудно разделить на два вида.

Сократ-младший. Каким образом?

Иностранец. Из всех произведений, одни, вероятно, не одушевленные, а другие — одушевленные.

Сократ-младший. Да.

Иностранец. Ну, вот так именно и разделим распорядительную сторону познавательного искусства, если хотим делить ее.

Сократ-младший. Как, то есть?

Иностранец. Одни распоряжения относятся к производству вещей *не одушевленных*, а другие — *одушевленных*. Таким образом всё и разделится на два вида.

Сократ-младший. В самом деле.

Иностранец. Один из них оставим, а другой возьмем и, взявши, разделим весь надвое.

Сократ-младший. Но который из них, говоришь, взять?

Иностранец. Непременно тот, который распоряжается существами живыми; ибо не дело царского знания, конечно, распоряжаться предметами не одушевленными, как домостроительному. Будучи гораздо благороднее, оно всегда простирает свою власть на существа живые и на то, что до них относится.

Сократ-младший. Правда.

Иностранец. А на производство и питание существ живых можно смотреть или как на однокормку (*μονοτροφία*), или как на попечение общее — о целых стадах.

Сократ-младший. Правда.

Иностранец. Но мы не найдем примера, чтобы политик занимался *однокормкою*, будто волопас или конюх: он скорее походит на того, кто промышляет о табуне и стаде.

Сократ-младший. Теперь твои слова для меня понятны.

Иностранец. А совместного питания многих живых существ не назвать ли нам *стадопитанием*, или *общепитанием*?

Сократ-младший. В речи может иметь место то и другое слово.

Иностранец. Прекрасно, Сократ! Если ты не будешь слишком заботиться о словах, то под старость разбогатеешь мыслями. Поступим же так, как теперь советуешь. Но не представишь ли себе, что иной искусство стадопитательное сочтет двойным, — и того, чего ныне мы ищем в двух частях, тогда заставит нас искать в половине?

Сократ-младший. Поспешу представить. И мне кажется, что иное питание свойственно людям, а иное опять — животным.

Иностранец. Ты разделил, в самом деле, очень поспешно и храбро; но остережемся, сколько можно, чтоб этого-то с нами в другой раз уже не случилось.

Сократ-младший. А что такое?

Иностранец. Малую часть, одну, при выделении, не должно противопоставлять большим и многим, без вида: часть пусть вместе имеет и вид. Весьма бы хорошо, без сомнения, вдруг выделить искомое из всего другого, если бы это могло быть сделано правильно, — как и ты сейчас поспешил словом, думая установить деление и видя, что речь клонилась к людям. Но нет, другой мой, дробить не безопасно; гораздо безопаснее идти серединой и резать пополам; так-то скорее попадешь на идеи. От этого в подобных исследованиях всё зависит.

Сократ-младший. Как это разумеешь ты, иностранец?

Иностранец. Снисходя к твоим способностям, Сократ, попытаюсь говорить еще вразумительнее. Из того, что изложено, конечно, нельзя вполне объяснить

настоящий предмет; для сообщения ему ясности, должно постараться подвинуть дело немного вперед.

Сократ - младший. Скажи же, какую сейчас допустили мы ошибку в своем делении?

Иностранец. Точно такую, как если бы кто, пожелав разделить род человеческий надвое, разделил его подобно многим здешним делителям, которые, отособив эллинский народ от всех других, и всем другим, не смотря на их бесчисленность, несмешанность и разноречивость, дав одно название — варваров, думают, что в этом единстве названия состоит и единство рода. Или еще: если бы кто, вознамерившись разделить какое-нибудь число на два вида, взял бы из него мириаду и представлял ее как один вид, а остальное, означив особым именем, опять по причине сего самого имени, считал бы отличным от первого родом. Гораздо лучше, думаю, и сообразнее с делением на виды и надвое — делить число на чет и нечет, а человеческий род — на мужской и женский пол. Отделяют же лидян, фригийцев, или другой народ от всех прочих скорее тогда, когда не умеют в каждом из отделов найти вместе и род и часть.

Сократ - младший. Весьма правильно. Но вот что, иностранец: каким образом яснее распознать, что род и часть — не одно и то же, а различны между собою?

Иностранец. О лучший из мужей! Ты спрашиваешь, Сократ, не безделицу. Но мы и теперь уже уклонились от своего предмета дальше, чем нужно, а ты заставляешь меня уклониться от него еще более. Нет, пора возвратиться, к чему нужно. На твой вопрос, как на готовый след, нападём мы в другой раз, на досуге. Только смотри, отнюдь не думай, будто об этом ты слышал от меня, как о чем-нибудь ясно различенном.

Сократ - младший. О чем?

Иностранец. О том, что вид и часть различны между собою.

Сократ-младший. А что?

Иностранец. Если что-нибудь есть вид, то это непременно есть и часть того самого предмета, в отношении к которому называется видом; напротив, часть еще нет никакой необходимости разуметь как вид. Лучше это приписывай мне, Сократ, чем то.

Сократ-младший. Так и будет.

Иностранец. Затем скажи-ка мне, откуда мы уклонились и пришли к настоящим мыслям. Конечно, оттуда, думаю, что на вопрос: как надобно разделить стадопитание? — ты слишком поспешно отвечал, что есть два рода живых существ: род человеческий и род всех прочих животных.

Сократ-младший. Правда.

Иностранец. А мне тогда и показалось, что, отделивши часть, ты думаешь, будто всё остальное образует один род, поскольку, то есть, всё остальное заключаешь под одним именем, — называешь животным.

Сократ-младший. И это было так.

Иностранец. Но что, храбрейший Сократ, если, на случай, найдется другое животное разумное, каким представляется род журавлей, или иное подобное, и будет раздавать имена, подражая тебе? Что если, например, журавли, величая самих себя, как один род, противоположный прочим животным, всё вместе, не исключая и людей, соберут в одно, и это одно назовут, может быть, не более, как зверями? — Поостережемся же от всего такого.

Сократ-младший. Каким образом?

Иностранец. Не будем делить весь род живых существ, чтобы не впасть во что-нибудь подобное.

Сократ-младший. В самом деле, не надобно.

Иностранец. Ведь и тогда именно в этом состояла наша ошибка.

Сократ-младший. Как это?

Иностранец. Распорядительная сторона познавательного искусства была у нас родом питания живых существ, и притом в стадах. Не так ли?

Сократ-младший. Так.

Иностранец. И тем уже наперед разделились все животные на ручных и диких; ибо что, по природе, может быть укрощаемо, называется кротким, а что не может, — диким.

Сократ-младший. Хорошо.

Иностранец. Ловимое же нами знание-то содержалось и содержится в животных кротких, и, конечно, надобно искать его у стадовых.

Сократ-младший. Да.

Иностранец. Итак, не будем делить их, как тогда, смотря на всех вместе и спеша скорее перейти к политике; ибо это заставило нас теперь потерпеть, что терпят по пословице.

Сократ-младший. Что такое?

Иностранец. Хотя бы мы делили и хорошо, но поспешив, исполняем дело медленнее.

Сократ-младший. Да и хорошо, что заставило, иностранец.

Иностранец. Пусть будет так. Попытаемся же опять сначала разделить общепитательное знание. Ведь, может быть, и то, чего хочешь ты, объяснится для тебя лучше из самого доведенного до конца исследования. Говори мне.

Сократ-младший. Что же говорить?

Иностранец. Вот что. Часто, должно быть, слышал ты от кого-нибудь, — ибо знаю, что самому-то тебе не случалось бывать, — о нильских рыбных садках, и тех, что на царских озерах; а на ручьях, может быть, ты сам видел их.

Сократ-младший. Конечно, и эти видел, и о тех слышал от многих.

Иностранец. И что есть пастбища гусей и журавлей, хоть и не бродил по полям Фессалии, конечно, знаешь по слуху и веришь тому.

Сократ-младший. Конечно.

Иностранец. А о всём этом я спросил ввиду того, что животные стадовые питаются либо в воде, либо ходя по местам сухим.

Сократ-младший. Конечно, так.

Иностранец. Стало быть, не кажется ли и тебе, что общепитательное знание надобно разделить так: из частей его, поставить одну на одной, другую на другой стороне, и ту назвать искусством питания в воде, а эту — питания на суше.

Сократ-младший. Мне кажется.

Иностранец. Что же касается царского дела, то нет нужды исследывать, к которой стороне относится это искусство; потому что это всякому ясно.

Сократ-младший. Как не ясно!

Иностранец. Но питающую на суше-то часть стадопитания всякий разделит бы.

Сократ-младший. Как?

Иностранец. Ограничивая ее летанием и пешеходством.

Сократ-младший. Весьма справедливо.

Иностранец. Что же? Нужно ли раскрывать, что дело политическое в объеме пешеходства? Или ты не думаешь, что и самый глупый, как говорится, будет такого мнения?

Сократ-младший. Я думаю.

Иностранец. Но насчет знания пешепитательного, как недавно насчет числа, надо признать, что оно делится надвое.

Сократ-младший. Явно.

Иностранец. Впрочем, к той части, на которую направлено у нас исследование, по-видимому, открыты

два пути: один — кратчайший, отделяющий меньшую часть от большей; другой, согласно тому, как мы говорили прежде, — что делить надобно особенно пополам, — держится больше этого правила; за то он и длиннее. Теперь в нашей воле идти тем, которым захотим.

Сократ-младший. Что ж? а обоими нельзя?

Иностранец. По крайней мере, зараз, почтеннейший; а преемственно-то, ведь очевидно, можно.

Сократ-младший. Итак, я избираю оба, — преемственно.

Иностранец. Это легко; так как осталось пути немного: в начале же и в середине хода это требование нас, конечно, затруднило бы. Так теперь, если нам так кажется, пойдем сперва путем длиннейшим; потому что, пока еще свежи силы, мы легче его одолеем. Смотри же, вот деление.

Сократ-младший. Говори.

Иностранец. Пешие, из числа кротких, — все, сколько есть стадовых, — разделены у нас, по природе, надвое.

Сократ-младший. Каким образом?

Иностранец. Так, что одна их порода — с рогами, а другая не имеет рогов.

Сократ-младший. Видимо.

Иностранец. Таким образом, разделив знание пшеничатое, объясняй каждую его часть путем определений; потому что, если захочешь называть их, это представит тебе лишние затруднения.

Сократ-младший. Каким же образом должно выражаться?

Иностранец. Вот каким: когда знание пшеничатое разделено надвое, один отдел его приложится к части стада, носящей рога, а другой — к части безрогой.

Сократ-младший. Пусть будет по сказанному; ибо это выражено достаточно ясно.

Иностранец. Что до царя, он тут у нас, очевидно, будет пасти стадо безрогое.

Сократ-младший. Как не очевидно!

Иностранец. Разделяя опять это стадо, поставимся приписать ему, что свойственно.

Сократ-младший. Конечно.

Иностранец. Не хочешь ли различить в нём раздвоенное и так называемое цельное копыто (μόνυξ), либо общеродный и своеродный приплод? Вероятно, понимаешь?

Сократ-младший. Что такое?

Иностранец. То, что лошади и ослы, по природе, могут рождаться друг от друга.

Сократ-младший. Да.

Иностранец. А прочие-то, в ручном стаде кротких животных, не смешивают своих родов одного с другим.

Сократ-младший. Как смешивать!

Иностранец. Что же? политик печется ли, думаешь, об общеродной или своеродной природе?

Сократ-младший. Явно, что о несмешанной.

Иностранец. Но и эту, подобно прежним, надобно нам, как видно, разделить надвое.

Сократ-младший. Да, надобно.

Иностранец. Однако ж животные-то, сколько есть кротких и стадовых, кроме двух родов, уже все разобраны; — потому что род собак не следует причислять к животным стадовым.

Сократ-младший. Конечно, не следует. Но как же делить нам эти два?

Иностранец. Так, как и пристало делить Теэтету и тебе, коли оба вы занимаетесь геометрией.

Сократ-младший. А именно?

Иностранец. По диаметру, то есть, и опять по диаметру диаметра.